

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Уставшиковой Варвары Александровны «Рецепция
творчества Г. Уэллса в произведениях Л. Лагина», представленной на
соискание учёной степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация Уставшиковой Варвары Александровны посвящена исследованию влияния Г. Дж. Уэллса на развитие «научной» и «социальной» фантастики в России и Советском Союзе конца XIX в. – середины XX в. и, в частности, на произведения советского писателя Лазаря Иосифовича Лагина (с.12). Работа представляет собой достаточно глубокое, самостоятельное исследование, способное занять достойное место в современном фантастоведении.

Структура работы традиционна и хорошо организована: диссертация состоит из вводного раздела, трёх глав, в которых проводится собственно исследование, заключения, списка литературы, включающего 201 наименование.

Д.С. Лихачев писал: «Каждое новое произведение – это шахматный ход, меняющий соотношение сил на всей «доске литературы», – это утверждение приобретает особый смысл, когда исследователь обращается к «забытым» произведениям. В настоящее время Лазарь Лагин, в лучшем случае, известен как «автор одной книги» – повести-сказки «Старик Хоттабыч», в то время, как его перу принадлежит целый ряд в той или иной мере значимых произведений, многие из которых были избраны автором в качестве материала для исследовательской работы («Патент "АВ"» (1947), «Остров Разочарования» (1951), «Атавия Проксима» (1955), «Майор Велл Эндью» (1962), «Голубой человек» (1964; 1967) и др.). Это само по себе свидетельствует и о *научной новизне* диссертации, поскольку она в определённой степени заполняет пробел в изучении советской фантастики в целом и творчества Лазаря Лагина в частности.

В то же время, избранный автором подход к изучению произведений Л. Лагина, предполагающий исследование лагинского восприятия творческого наследия Г. Уэллса, убеждает в *актуальности* работы, поскольку сделанные в ней наблюдения способны пролить свет на значимость «научной» и «социальной» фантастики в литературном и межкультурном диалоге Востока и Запада в конце XIX – первой половине XX века, и могут способствовать нахождению точек межкультурного диалогического соприкосновения в настоящее время.

В плане методологии диссертант вполне удачно использует комплекс различных методологических подходов (компаративистский, герменевтический и др.), в ряду которых, как наиболее продуктивные в вводной части работы выделены культурно-исторический и интертекстуальный.

В рамках культурно-исторического подхода во Введении затрагивается вопрос о генезисе и эволюции фантастики. Представляется справедливым, что автор, не вступая в неразрешимые споры о происхождении фантастики, сосредотачивает внимание на стадии эволюции научной и социальной фантастики изучаемого периода.

Интертекстуальный подход, по замечанию автора, призван способствовать выявлению черт специфики «авторской манеры писателя, заключающейся в умении заимствовать отдельные элементы чужих повествований с их полной последующей трансформацией» (с. 15). Способствовать этому в работе призвано применение к творчеству Л. Лагина ключевых понятий интертекстуальности, предложенных Натали Пьеге-Гро во «Введение в теорию интертекстуальности» (ссылка-референция, плагиат, аллюзия, пародия и стилизация).

Цели и задачи исследования сформулированы автором во введении достаточно чётко. Однако, пункты 2 и 3 «Основных положений, выносимых на защиту», на наш взгляд, отчасти дублируют друг друга и выглядят чрезмерно обобщенно.

Первая глава диссертации «Социокультурный и литературный контексты фантастической прозы Л. Лагина» («Методологии контекстуального изучения словесных художественных произведений» (с. 20-30) напоминает читателю о достоинствах и недостатках различных контекстуальных подходов к анализу художественного текста. Здесь автор, в частности опираясь на авторитет М.М. Бахтина, вполне справедливо закрепляет за собой право учитывать в своём исследовании рецепции творчества Г. Уэллса в произведениях Л. Лагина многие контексты (от культурно-исторического, социально-политического, историко-литературного до биографического). На этой основе с ориентацией на «Введение в теорию интертекстуальности» Натали Пьеге-Гро осуществляется попытка «дифференциации и типологии литературных заимствований в прозе Л. Лагина» (с. 30-53). Наиболее значимыми для Лагина признаются: цитата, ссылка-референция, плагиат, аллюзия.

Здесь возникают некоторые сомнения в справедливости доводов по поводу наличия/отсутствия плагиата в лагинских текстах. Если плагиат определяется как «неотмеченная цитата, цитирование без указания источника», «буквальное копирование большого объёма» (с. 35) (Классический пример: Б. Акунин

«Алмазная колесница» - А. Куприн «Штабс-капитан Рыбников»), то уместно ли упоминание о попытках идейного и сюжетного «увязывания» романа А. Беляева «Человек, нашедший своё лицо» с рассказом Л. Лагина «Эликсир Сатаны» и романом «Патент "АВ"», а также лагинского «Старика Хаттабыча» с «Медным кувшином» Ф. Энсти и попытках уличения Лагина в плагиате.

Кроме того, автор справедливо счёл возможным «рассмотреть очень кратко» «типы взаимодействия <лагинских> текстов в рамках деривации» (пародия, бурлескная травестия, стилизация), поскольку: во-первых, представляется затруднительным определить меру авторского знания «материнских» текстов; во-вторых, так же затруднительно фактически подтвердить насколько осознанно и целенаправленно Лагин прибегал к пародированию или стилизации под стилистику текстов Д. Дефо, Ф.М. Достоевского, М. Горького, Д. Свифта, М.Е. Салтыкова-Щедрина (с. 51).

Не вызывает возражений заключение Варвары Александровны о том, что «очень характерной для Л. Лагина авторской манерой письма был метод заимствования у предшествующих писателей (как русских, так и зарубежных) отдельных элементов повествования, сюжетообразующих идей или фабульной канвы <...> для полной трансформации, которую он осуществлял, подчиняя заимствованное собственным художественным целям, вкладывая иные смыслы в схожие концепты, рассматривая привычные вещи с неожиданной точки зрения» (с. 51). Однако при этом возникает сомнение в целесообразности исследовательской ориентации на теорию интертекстуальности Пьеге-Гро.

Во второй главе, «Фантастическая литература в России» (с. 53-81), в преддверии рассмотрения «влияния Г. Уэллса на творчество конкретного советского писателя, работающего с литературой рациональной фантастики и использующего элементы сатиры», диссертант обращается к рассмотрению «традиции фантастики логической посылки в русской и советской литературе в целом» и выявлению влияния «английского фантаста на русских и советских авторов, создававших свои произведения в период до появления книг Л. Лагина» (с. 53). Вводя понятия «рациональной фантастики» и «фантастики логической посылки», автор следует концепции Елены Николаевны Ковтун, где они фигурируют как синонимичные и подразумевают «рациональную мотивацию фантастической посылки» как «жанроопределяющего» критерия научной фантастики. Наряду с этим в работе используется понятие фантастика рациональной посылки. Употребление множества близких или тождественных по смыслу понятий, на наш взгляд, несколько затрудняет чтение работы, однако представленная в главе характеристика эволюции научной фантастики в России и СССР конца XIX – середины XX в. и анализ влияния Г. Уэллса на русских и

советских писателей свидетельствуют о начитанности, филологической компетентности и эрудиции автора.

Автор убедительно характеризует направления развития рациональной фантастики; дифференцирует ипостаси воплощения одного из центральных образов рационально-фантастической литературы – образа героя-учёного; мотивирует различия идейного наполнения сходных сюжетно-композиционных и образных структур в произведениях Г. Уэллса и творчестве советских писателей (Алексея Николаевича Толстого, А.Р. Беляева, М.А. Булгакова, А. Богданова-Малиновского, Е. Замятина и др.), зачастую так или иначе стеснённых рамками революционной и советской идеологии.

Несомненный интерес вызывает третья глава диссертации: «Влияние творчества Г. Уэллса на произведения Л. Лагина» (с 82-145). В процессе анализа значительного числа лагинских текстов автор исследует уэллсовское влияние на советского писателя как в формальном, так и в содержательном аспекте. В этой связи третья глава вполне логично разделена на две части.

В первой части главы (3.1.1 – 3.1.3) соотносятся тексты: «Патент "АВ"» – «Пищи богов», «Майор Велл Эндью» – «Войны миров», «Голубой человек» – «Машины Времени». «Связь произведений Л. Лагина с произведениями Г. Уэллса рассматривается здесь в чисто формальных аспектах» (с. 82).

Исследуется лагинское восприятие сюжетно-композиционных моделей: сюжет о научном открытии «ускорителя роста живых организмов» (с. 83), сюжет инопланетного (марсианского) вторжения, сюжет путешествия во времени. Выявляются образные параллели между центральными, а также и второстепенными героями уэллсовских и лагинских текстов (профессор Редвуд («Пища богов») – доктор Стивен Попф «Патент "АВ"»); герой-повествователь («Война миров») – майор Велл Эндью («Майор Велл Эндью»); ученый-изобретатель («Машина Времени») – Георгий Антошин («Голубой человек») и др.). Убедительно доказывается оригинальность художественной, по сути соцреалистической, интерпретации уэллсовского наследия в произведениях Лазаря Лагина.

Однако, учитывая избранный во введении объект исследования, и в свете определённых во второй главе критериев жанра научной фантастики, где сюжетообразующей является рациональная (логическая) посылка, возникает вопрос о причастности к научной (даже «мягкой») фантастике лагинского романа «Голубой человек», сюжет которого, учитывая «необъяснение чудес» (с. 106), тяготеет к фантастической (отчасти фэнтезийной) модели повествования о «поподанцах» (как, например, в повести Святослава Юрьевича Рыбаса «Зеркало для героя»). Принимая во внимание утверждение диссертанта о том, что «произведение советского автора – это уже безусловная социальная фантастика» (с. 107), напрашивается заключение, что роман Лагина «Голубой

человек» не вполне вписывается в заявленную автором объектную сферу диссертационного исследования.

Кроме того, хотелось бы прояснить авторское утверждение о том, что уэлсовские «<...> морлоки всего лишь проявление враждебных природных сил, недружелюбной стихии самой ткани вселенной, которой бросает вызов путешественник, создавая свою машину и передвигаясь по времени» (с. 104). Имеется ли ввиду то, что морлоки являются порождением исключительно природных (вселенских) сил, или то, что Уэллс наделяет образ морлоков неким символическим смыслом?

Во второй части третьей главы (3.2.1 – 3.2.3) «подвергается анализу связь общих идей и концепций авторов <...>. В частности, рассматриваются вопросы этики и морали, мотивы ответственности ученого и результатов использования научного изобретения, проблемы взаимодействия религии и науки в условиях современного общественного устройства, темы бессмысленности войны и катастрофичности ее последствий» (с. 82).

В подразделе 3.2.1. анализируются сюжетные связи и образные соответствия между романом Г. Уэллса «Остров доктора Моро» и произведениями Л. Лагина «Патент "АВ"» и «Остров Разочарования». Исследуются особенности интерпретации сюжета научного и социального экспериментаторства, связь образов доктора Моро, Сима Мидруба, Джошуа Пентикоста. Здесь сделаны ценные наблюдения по поводу героя-ученого, претендующего быть Творцом в отнюдь не научном смысле (с. 112); на предмет присутствия во всех трех произведениях аллюзий на «христианское соположение бога-творца и его творений» (с. 114); касательно взглядов писателей на проблему социального устройства. Далее исследование социальной проблематики романов Уэллса и Лагина углубляется на основе сопоставительного анализа романов «В дни кометы» и «Атавия Проксима» (3.2.2.).

Автор убедительно показывает, что в обоих романах в основе сюжета «резкая перемена в привычном укладе жизни людей», «причиной такой перемены становится космическая катастрофа» (с. 118), но если у Уэллса встреча Земли с Кометой благотворно меняет людей и одаряет человечество благодатью единения и социальной гармонии, то у Лагина взрыв атомной бомбы порождает цепную реакцию испытаний на пути людей к сплочению и созданию идеального общества. Тем самым Лагин пропагандирует постулат советской идеологии о человеке, творящем своё счастье и счастливое будущее, и идею необходимости преодоления препятствий и принесения жертв ради коммунистического перерождения человека и построения коммунистического общества.

Последняя часть главы (3.2.3.) посвящена военной теме в творчестве

Уэллса и Лагина. Как показывает анализ романов «Война в воздухе» и «Освобожденный мир» Г. Уэллса в соотнесении с «Островом Разочарования» и «Атавией Проксимой» Л. Лагина между писателями, несмотря на почти полувековую дистанцию, обнаруживается ряд точек идейно-художественного соприкосновения.

В идейном отношении автором работы выделены тождественные для Уэллса и Лагина позиции:

- предостерегающая убежденность в том, что мир может «погрузится в пучину максимально глобальной и разрушительной войны» (с. 124);

- война есть деяние «бессмысленное по своей сути для всех, кроме тех, кто наживается на ней» (с. 125);

- в войнах «заинтересованы те страны, которые исторически наблюдали за любой войной отстраненно» (с. 125);

- «новые виды оружия отнюдь не делают войну невозможной. Они только ставят под угрозу всю современную цивилизацию» (с. 126-127) и что «война невозможна при отсутствии достаточно мощного оружия»;

- «уэллсовский и лагинский взгляды на развитие науки характеризуют английского и советского писателей как личностей, обладающих высокой социальной ответственностью» (с. 131);

- стремление «показать, что война не могла возникнуть на неподготовленной социальной почве» (с. 132), и этой почвой, естественно был капиталистический строй с его псевдорелигией и СМИ.

Выделенные автором работы позиции достаточно аргументированно подтверждены анализом четырёх романов Уэллса и Лагина (с. 124-145). В ходе анализа текстов выявляется своеобразие идеологии советского писателя.

Кроме тематических и идейных аспектов во второй части третьей главы автор вполне обоснованно «обнаруживает и формальные сходства: в создании образа автора и построении системы персонажей, в использовании сходных художественных элементов создания атмосферы и развития повествования» (с. 137). В частности, это: опора на метод фантастической посылки; использование элементов перспективы; использование элементов разговора глухих; использование приема инкорпорирования квазидокументальных свидетельств в художественное повествование и др.

На уровне образной системы «во всех обозначенных романах герои-протагонисты, от лица которых ведется большая часть повествования, - простые люди, рядовые наблюдатели» (с. 138), в качестве антагонистов выступают либо закостенелые мещане, либо «представители правящей элиты, люди, упоенные всемогуществом своей власти» (с. 141). В свете сделанных наблюдений автор приходит к выводу о том, что «Л. Лагин был одним из тех, кто продолжал начинания английского предшественника, стараясь обратить внимание

общества на проблемы современности и на возможные пути их решения, используя для этого наиболее удобные и привлекательные средства художественной литературы» (с. 145).

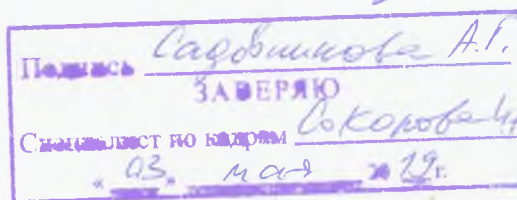
При всех достоинствах научного содержания третьей главы, в ней, по нашему мнению, не вполне четко воплотились авторские установки на чисто формальный аспект (в первой части) и идейный подход (во второй). В целом в последней главе наблюдается тяготение к комплексному методу анализа.

Возникает и ещё одно замечание общего характера на предмет озаглавливания работы и её отдельных частей. В названии диссертации заявлена исключительно проблема лагинской рецепции, однако к её рассмотрению автор приступает только в третьей главе (с. 82-124).

Выводы, сделанные автором в Заключение диссертационного исследования, отличаются последовательностью и основательностью. Диссертация прошла серьёзную апробацию в ходе работы тринадцати конференций регионального, федерального и международного уровней, о чём свидетельствуют девять печатных статей, три из которых опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ.

В целом диссертация Уставщиковой Варвары Александровны «Рецепция творчества Г. Уэллса в произведениях Л. Лагина» отличается самостоятельностью научного подхода. По своей новаторской тематике, по охвату материала, по пристальному научному вниманию к разным аспектам темы и глубине изложения, несомненно, диссертация отвечает всем требованиям пунктов 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842., а её автор, Уставщикова Варвара Александровна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Садовников Аркадий Германович,
кандидат филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»,
кафедра Русской филологии, зарубежной литературы и
межкультурной коммуникации, доцент.
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина 1а.
<http://www.lunn.ru>, zarub@lunn.ru, т. +7 (831) 416-60-15

03.05.2019